

ФРАКИЙЦЫ НА ТЕРРИТОРИИ НИЖНЕГО ПОБУЖЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ VII—I в. до н. э.

Этнический состав населения Нижнего Побужья в скифо-античный период изучен односторонне. Основное внимание уделялось и до сих пор уделяется доминировавшим в нем эллинскому и скифскому этническим компонентам. Вместе с тем анализ археологических материалов позволяет в настоящее время прийти к выводу о присутствии в отдельные периоды истории второй половины VII—I вв. до н. э. в составе жителей этого района выходцев из гето-фракийского племенного мира.

Одним из основных источников изучения этнического состава населения интересующей нас территории продолжает до сих пор оставаться лепная керамика. В этой связи необходимо подчеркнуть, что при относительно слабой археологической изученности памятников Нижнего Побужья особое значение приобретают хорошо документированные материалы последних десятилетий раскопок Ольвии и Березани — двух наиболее крупных эллинских колоний этого района Северного Причерноморья. Отметим также, что уже простое сопоставление во времени величины комплекса лепной керамики Ольвии с керамическим комплексом города в целом дает некоторые основания для его выделения в этнокультурном отношении из всей совокупности керамических материалов¹. Оценка величины комплексов названных выше эллинских центров по отношению к остальной массе керамических находок из слоев (при подсчетах не учитывались обломки тары: амфоры и пифосы) выявила следующую картину: Березань — 8—10% для всего периода, Ольвия — 2—4% для второй половины VI—IV вв. до н. э. и 4—10% для III—I вв. до н. э. В развитии комплексов лепной керамики Ольвии и Березани интересующего нас времени можно выделить четыре этапа.

Первый этап охватывает вторую половину VII в. и весь VI в. Решающее значение для характеристики лепной керамики этого времени имеют материалы более раннего, нежели Ольвия, Березанского поселения. В течение всего этапа на Березани, а с первой половины VI в. и в Ольвии бытовала лепная посуда двух видов: лощеная столовая из тонкой глины и грубая кухонная. В общем балансе находок лепной керамики столовая посуда имеет сравнительно небольшой вес, не более 15% для Березани и около 3—5% для Ольвии. Более высокий процент столовой посуды, отмеченный для Березанского поселения, объясняется превалированием в нем более ранних слоев, где эта керамика встречается несколько чаще. Не имея возможности в данной работе специально останавливаться на характеристике всех типов столовой и грубой кухонной посуды этого времени², обратимся к рассмотрению керамики, аналогичной встречающейся на синхронных памятниках Карпато-Дунайского бассейна — коренного района расселения протофракийских и фракийских племен в широком значении этнонима. К ее числу в группе столовой посуды следует прежде всего отнести часть мисок с загнутым внутрь краем. Большинство мисок этого типа не орнаментировано и может быть сопоставлено с керамикой широкого круга памятников степного и лесостепного Северо-Западного и Северного Причерноморья (рис. 1, 1, 2). Несколько обломков мисок, найденных на Березани в слоях середины — второй половины VI в., оказалось украшено по верхней внешней части широкими косыми каннелюрами (рис. 1, 3, 4), что позволяет находить им аналогии прежде всего в керамических материалах целого ряда памятников Карпато-Дунайского бассейна. Назовем лишь некоторые из них: комплекс Бырешти-Фериджеле, датируемый А. Вульпе VI—IV вв. до н. э. (центральный район Румынии)³, комплексы Балта Верде, Гогошу, включающие в себя анало-

¹ К. К. Марченко, Концентрация лепной керамики в Ольвии второй половины VI—I в. до н. э., СА, 1972, № 4, стр. 59 сл.

² Этой теме посвящена отдельная статья: К. К. Марченко, Лепная керамика Березани и Ольвии второй половины VII—VI в. до н. э., «Сборник в честь Б. В. Фармаковского» (в печати).

³ A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile, București, 1967, табл. 1, 3, 6, 10.

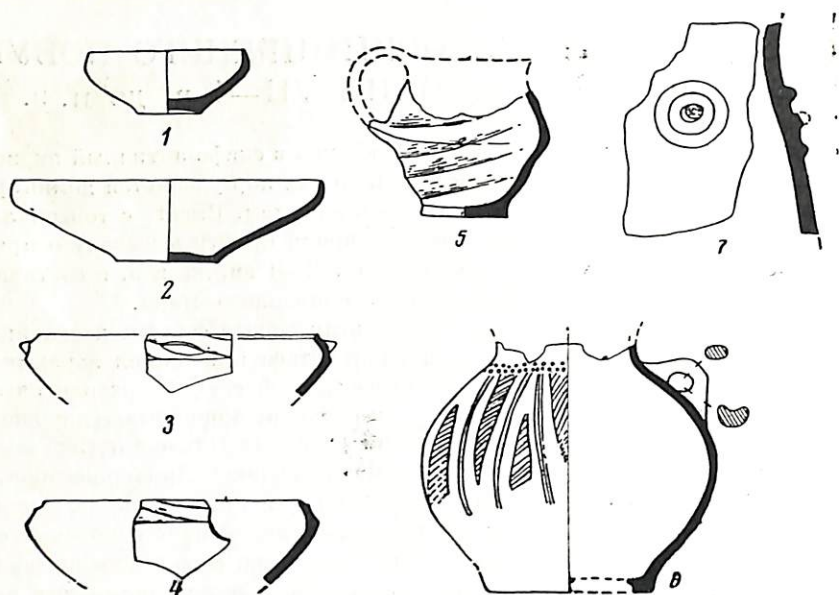


Рис. 1. Лепная столовая керамика Березанского поселения второй половины VII—VI в. до н. э.

гичные памятники Северо-Западной Болгарии и Юго-Западной Олтения⁴. Хорошо представлен этот тип мисок в керамическом комплексе культуры Басараби⁵, распространявшейся во второй половине VIII — первой половине VI в. на территорию Румынии, частично Венгрии, Югославии, Болгарии, заходя на восток в Молдавскую ССР⁶. Подобного рода миски известны и в материалах памятников Румынской Молдовы, которые вместе с поселениями конца IX — начала VI в. до н. э. в лесостепи Молдавии объединяются в комплекс Стойкани — Солончени⁷.

Второй тип столовой керамики, сопоставляемой с посудой Карпато-Дунайского бассейна, представляет чаша с петельчатой ручкой и биконическим туловом, украшенным широкими косыми каннелюрами (рис. 1, 5). Тип известен только по нескольким фрагментам, найденным на Березанском поселении в слоях середины — второй половины VI в. Близкие аналогии нашим чашам можно найти, например, в материалах комплекса Бырсешти — Фериджеле⁸; сходные чаши были найдены в некрополе Гогошу⁹. Несомненно также, что этот тип бытовал на территории совр. Румынии и в более раннее время¹⁰.

Последний из выделенных типов лощеной керамики — корчаги. Величина фрагментов не дает возможности сколько-нибудь уверенно восстановить форму. Можно

⁴ D. Bergiu, E. Comşa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoşu (1949 și 1950), MCA, II, 1956, стр. 376, рис. 110, 3, стр. 416, рис. 139, 6, 7.

⁵ См., например, A. Vulpe, Şalaşul hallstadian de la Novaci, MCA, VIII, 1962, стр. 364, рис. 5, 6; А. И. Мелюкова, Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднепровья, МИА, № 64, 1958, стр. 61, рис. 5, 1; M. Petrescu-Dîmboviţa, Cercetări arheologice în aşezarea din prima epoca a fierului dela Tâmbaoani, SCIV, № 3—4, 1953, стр. 770, рис. 4, 6, 8, 11, 12, 15.

⁶ A. Vulpe, Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien (die Basarabi-Kultur), «Dacia», NS, IX, 1965, стр. 105 сл.

⁷ M. Petrescu-Dîmboviţa, Cetaşua dela Stoicani, MCA, I, 1953, стр. 135, рис. 60, 13, табл. IX, 9а, 14а; А. И. Мелюкова, О датировке и соотношении памятников начала железного века в лесостепной Молдавии, СА, 1972, № 1, стр. 57 сл.

⁸ Vulpe, ук. соч., табл. VII, 5, 8, 9; VIII, 2, 4.

⁹ Bergiu, Comşa, ук. соч., стр. 416, рис. 4; стр. 448, рис. 171, 2.

¹⁰ См., например, Vulpe, Zur mittleren Hallstattzeit in Rumänien, стр. 116, рис. 7, 12.

отметить лишь следующие черты. Большинство корчаг Ольвии и Березани было покрыто прекрасным лощением черного цвета. Обычен орнамент в виде сосковидных выступов или рельефных колец с пирамидальными шишечками в центре (рис. 1, 7). Одна из корчаг, датируемая по условиям находки не позднее третьей четверти VI в. до н. э., была украшена оригинальным орнаментом в виде плетенки, исполненной рельефными налепными валиками (рис. 2). Как известно, корчаги, имеющие сходную орнаментацию, получили довольно широкое распространение в предскифское и раннескифское время в районах лесостепного Побужья и Поднепровья. Однако, как это было отмечено еще А. А. Спицыным, керамика этого типа генетически связывается с западногальштатской культурной традицией¹¹.

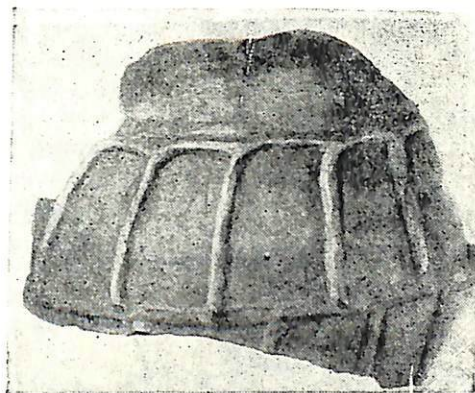


Рис. 2. Фрагмент березанской корчаги середины VI в. до н. э.

Лепная кухонная посуда Ольвии и Березани второй половины VII—VI в. в отличие от столовой изготовлялась из неотмученной глины с грубыми примесями. Поверхность сосудов, как правило, носит на себе следы тщательного заглаживания или слабого лощения. Выделено три основных типа.

Около 70% группы кухонной лепной керамики этого времени падает на слабопрофилированные сосуды (рис. 3, 1—3) и горшки с четко выраженным горлом и широко раздутыми плечами (рис. 3, 4), аналогичные по форме и характеру орнаментации раннескифской керамике районов лесостепной Правобережной Украины¹², Поворскля¹³. Остальные 30% приходятся на сосуды баночной формы (рис. 3, 5—9)¹⁴. Банки имеют расширяющиеся вертикальные или слегка скошенные внутрь стенки. Край, как правило, не выделен. Обычен орнамент налепкой, иногда оттянутый валик с пальцевыми вдавлениями либо зацепами, расположенный несколько ниже края. Гораздо реже валик идет по самому краю. Изредка, не более чем у 7% банок, валиковая орнаментация дополнялась рядом сквозных проколов или наколов по краю. Довольно часто, примерно у трети банок, встречаются налепы — так называемые ручки-упоры. Последние расположены либо на валике, либо отдельно, в верхней или средней части сосуда. По составу теста и характеру обжига банки этого типа совершенно не отличаются от остальной кухонной лепной керамики VII—VI вв. Нижнего Побужья, что заставляет предполагать их местное изготовление. Время наибольшего распространения банок в пределах этапа — вторая половина VII — первая половина VI в. Со второй половины VI в. количество сосудов этого типа начинает сокращаться. Нижняя дата бытования типа устанавливается достаточно точно — рубеж VI—V вв.

Ближайшие аналогии банкам Ольвии и Березани мы находим в материалах целого ряда памятников VIII—V вв. Карпато-Дунайского бассейна, где они являлись

¹¹ А. А. Спицын, Скифы и Гальштат, Сборник в честь А. А. Бобринского, СПб., 1911, стр. 7.

¹² См., например, Г. Т. Титенко, Разкопки пам'яток скифського часу на Пастирському городищі, АП, т. VI, 1956, стр. 54, табл. I, 1; Е. Ф. Покровська, Хотівське городище, АП, т. VI, 1956, стр. 19, табл. III; В. Г. Петренко, Правобережжя Середнього Поднісстров'я в V—III вв. до н. е., САИ, вып. Д-1-4, М., 1967, стр. 119, табл. 5, 2—8, 10, 12—25.

¹³ Г. Т. Ковпаненко, Племена скифського часу на Ворсклі, Київ, 1967, стр. 112, рис. 52, 10—13.

¹⁴ Вторая разновидность первого типа по классификации С. И. Капошиной. См. С. И. Капошина, О скифских элементах в культуре Ольвии, МИА, № 50, 1956, стр. 160—161, рис. 6, 2.

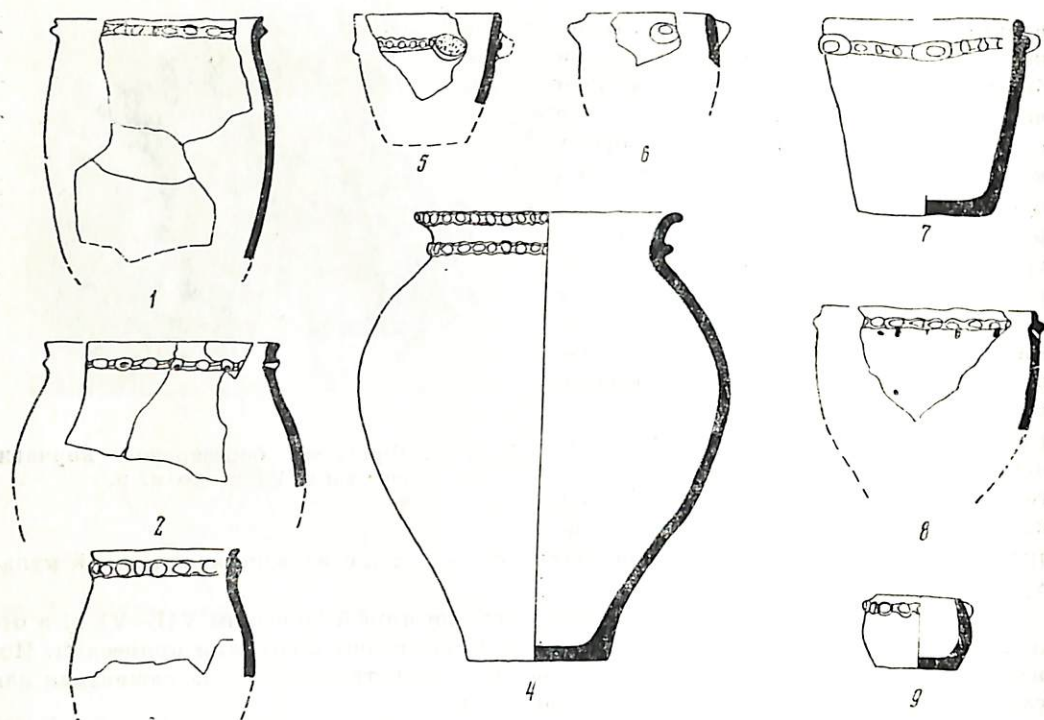


Рис. 3. Лепная кухонная керамика Ольвии и Березани второй половины VII — VI в. до н. э.

типичной и чуть ли не единственной формой грубой кухонной посуды этого времени¹⁵. Тожественный тип сосудов хорошо известен и в синхронных керамических комплексах городов левого берега Понта, например в Одессосе¹⁶ и Истрии¹⁷, где он связывается с местной гето-фракийской посудой. Аналогичная керамика встречается также на поселениях сельскохозяйственной округи Истрии¹⁸. Небольшое количество обломков фракийских банок найдено и в ранних слоях Никония на Нижнем Днестре¹⁹.

¹⁵ См., например, Vulpe, Necropola hallstatiană de la Ferigile, табл. XII, 13, 15—18, 23; А. И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии, КСИИМК, вып. 56, 1954, стр. 63, рис. 29, 4, 5; С. Preda, New aspect of early Latène epoch in Dacia discovered at Alexandria, «Dacia», NS, III, 1959, стр. 181, рис. 1, 1—5; D. Berciu, Descoperirile getice de la Cernavoda (1954) și unele aspecte ale începutului formării culturii Latene geto-dace la Dunărea de Jos, MCA, IV, 1957, стр. 284, рис. 5, 1, 2, стр. 285, рис. 7, 1; М. Мирчев, Раннотракийский могилен некропол при с. Равна, ИБАИ, XXV, 1962, стр. 136, табл. IX, 4; стр. 137, табл. X, 2; стр. 147, табл. XX, 6 и др.; Petrescu-Dîmbovița, Cercetări arheologice în așezarea din prima epoca a fierului dela Tamăsoani, стр. 770, рис. 4, 4; Petrescu-Dîmbovița, Cetățuia dela Stoicani, табл. IX, 10d, 14e.

¹⁶ Г. Тончева, Архаични материали от Одессос, ИБАИ, XXX, 1967, стр. 173.

¹⁷ S. Dimitriu et M. Coja, La céramique archaïque et les débuts de la cité Pontique d'Istria, «Dacia», NS, II, 1958, стр. 72, рис. 2, 13, 4; M. Coja, Ceramica autohtonă de la Histria. Secolele V—I î. e. n. Pontica, 3, 1970, стр. 102, рис. 1, 1, 2, 5—7.

¹⁸ E. Condurachi și colaboratori, La chantier d'Istria, SCIV, IV, 1953, стр. 132, рис. 20; D. Berciu, C. Preda, Săpăturile de la Tariverde, MCA, VII, стр. 276, рис. 3, 4—6.

¹⁹ М. С. Синицын, Некоторые результаты раскопок на Роксоланском городище (1957—1960 гг.), КСОГАМ, Одесса, 1961, стр. 36; В. И. Кузьменко, М. С. Синицын, Некоторые наблюдения над лепной керамикой из Роксоланского городища, КСОГАМ за 1961 г., Одесса, 1963, стр. 82; они же, Лепная посуда, МАСП, 5, Одесса, 1966, стр. 72.

Ко всему сказанному следует добавить, что сосуды этой формы почти неизвестны на поселениях раннескифского времени лесостепной Правобережной Украины.

Таким образом, на раннем этапе развития комплекса Ольвии и Березани в нем отчетливо выделяется однородная группа керамики (банки с ручками-упорами, чаши с петельчатой ручкой, миски с косыми каннелюрами и, возможно, корчаги), генетически связанная с посудой гето-фракийских памятников Карпато-Дунайского бассейна. Не исключено, что в дальнейшем к этой же группе можно будет отнести и некоторые типы березанской и ольвийской керамики, украшенной геометрическим орнаментом с инкрустацией (см., например, рис. 1, 6). Несомненно также, что наличие группы свидетельствует в пользу пребывания здесь в составе туземной части населения колоний выходцев из фракийского племенного мира, так как трудно себе представить по существу полный набор основных типов посуды фракийцев в отрыве от самих изготовителей.

В выделении керамики, генетически связанной с фракийской посудой Карпато-Дунайского бассейна, в материалах раннескифского времени других памятников Нижнего Побужья имеются серьезные трудности. Выше уже упоминалось о явно недостаточной археологической изученности интересующей нас территории. Это замечание особенно легко иллюстрировать данными, относящимися к довольно многочисленным памятникам, сохранившим следы VI в. до н. э. Раскопкам, и то сравнительно небольшим, подвергнуты лишь поселения у Широкой балки²⁰, Викторовка I²¹, Днепровское²². В 60-х — начале 70-х годов небольшие по объему работы проведены на Бейкушском и Кабаргинском поселениях в районе Березанского лимана²³. Остальные поселения этого периода известны в значительной мере лишь по сборам и небольшим зачисткам.

Анализируя материалы этих памятников, не трудно прийти к выводу, что на данной стадии их изученности возникновение жизни на большинстве ранних поселений Нижнего Побужья, за исключением поселений у Широкой балки, Бейкушского, у с. Станислава и, возможно, Кабарги, следует относить ко второй половине или даже к концу VI в. до н. э.

Следовательно, их материалы, затрагивая в лучшем случае конец интересующего нас периода, лишь в незначительной мере могут помочь в выявлении типологического состава керамического комплекса второй половины VII—VI в. в этом районе.

Обращаясь к рассмотрению лепной керамики трех из вышеназванных поселений (Бейкушского, у Широкой балки и у с. Кабарги²⁴), нетрудно прийти к заключению о том, что комплексы этих поселений значительно близки материалам из хронологически сопоставимых слоев Ольвии и Березани. Первое, что следует отметить в этой связи, — это присутствие в материалах поселений всех основных типов керамики Ольвии и Березани второй половины VII—VI в. Здесь также имеется керамика гето-фракийского облика, представленная, однако, исключительно обломками грубых кухонных сосудов. Особенно заметное количество фрагментов фракийских банок найдено на Бейкушском поселении (рис. 4, 1—3), что не случайно. Именно этот памятник, раскапываемый в течение ряда лет, дал наиболее многочисленную группу материала первой половины — середины VI в. — времени наибольшего распространения гето-фракийской керамики и на Березани. Относительно меньше обломков фракийской посуды в комплексах поселений у с. Кабарги (рис. 4, 4—5) и особенно у Ши-

²⁰ Б. М. Рабичкин, Поселение у Широкой балки, КСИМК, вып. XL, 1951, стр. 114 сл.

²¹ С. И. Капошина, Из истории греческой колонизации Нижнего Побужья, МИА, № 50, 1956, стр. 240 сл.; Ф. Рудык, Древнее поселение Викторовка I (VI—III вв. до н. э.), МАСП, 1, Одесса, 1957, стр. 63—66.

²² Капошина, ук. соч., стр. 245 сл.

²³ А. С. Русяева, Разведка в районе Березанского лимана. Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг., вып. 1, Киев, 1967, стр. 141 сл.

²⁴ Материалы Бейкушского поселения и поселения у с. Кабарги хранятся в фондах ИА АН УССР. Пользуюсь случаем поблагодарить А. С. Русяеву и В. М. Отрешко за любезно представленную возможность познакомиться с этими коллекциями.

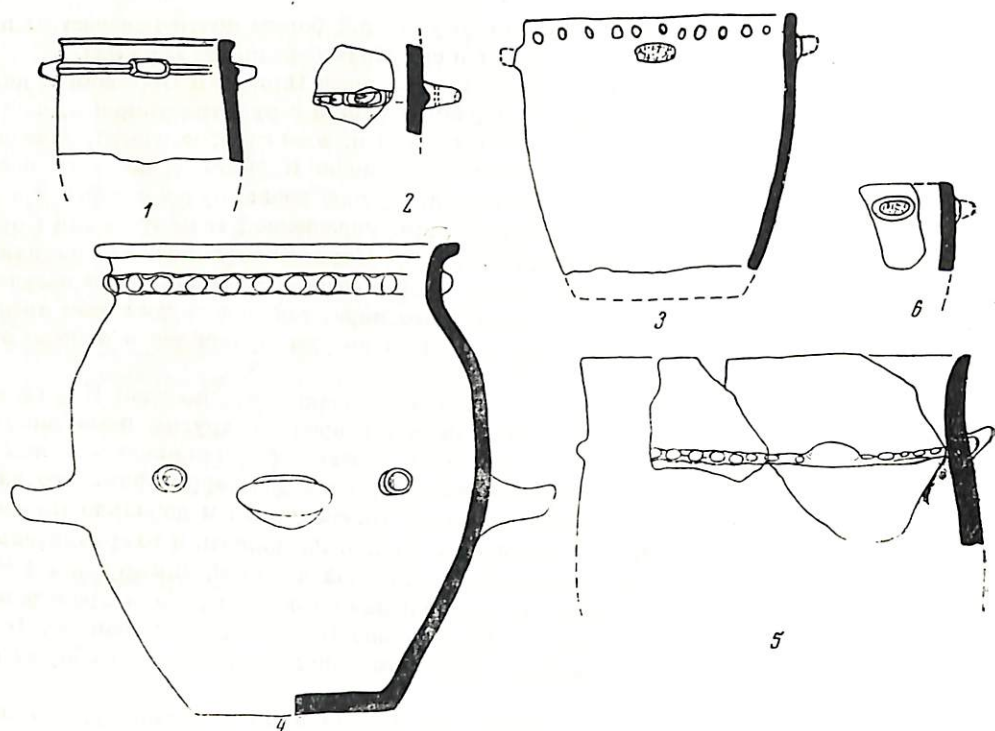


Рис. 4. Лепная кухонная керамика поселений Нижнего Побужья конца VII—VI в. до н. э. (1—3 — Бейкуш, 4—5 — Кабарга, 6 — Широкая балка)

рокой балки (рис. 4, 6)²⁵. Достаточно сказать, что просмотр коллекции керамики последнего памятника позволил выделить буквально единичные обломки сосудов этого типа²⁶. Отмеченное отличие кабаргинского и широкобалкинского комплексов связано, как нам представляется, с временным фактором. Абсолютный и удельный веса раннего материала с этих поселений весьма малы по сравнению с основной массой находок, датируемых более поздним временем²⁷. Аналогичный фактор следует, по-видимому, учитывать и по отношению к материалам с поселений у с. Станислава; в небольшой коллекции лепной керамики с этих памятников посуды гето-фракийского облика вообще не обнаружено²⁸.

Тем не менее можно считать установленным, что наличие фракийских элементов в керамических комплексах Нижнего Побужья рассматриваемого этапа не ограничивается пределами собственно Березани и Ольвии. Аналогичные элементы присутствовали и в материальной культуре некоторых наиболее ранних поселений данного района. Выше уже отмечалось, что появление подобной керамики в комплексе Ольвии и Березани должно быть связано с проникновением в состав колоний самих фракийцев. Сейчас этот вывод можно, по-видимому, расширить по крайней мере до пределов их ближайшей округи.

Наличие фракийцев в составе населения Ольвии, Березани, а также в среде жителей отдельных небольших поселений Нижнего Побужья во второй половине VII—VI в. позволяет подойти с более прочных позиций к проблеме так называемых монет-стрелок, сравнительно часто находимых в культурных слоях Ольвии VI — начала

²⁵ И. В. Яценко, Скифия VII—V вв. до н. э., М., 1959, стр. 27, рис. 1, 3, 12.

²⁶ Коллекция хранится в фондах Ольвийского заповедника ИА АН УССР.

²⁷ Ср. Яценко, ук. соч., стр. 29.

²⁸ Коллекция хранится в фондах первобытного отдела Гос. Эрмитажа.

V в.²⁹, но особенно характерных для Березанского поселения второй половины VII—VI в.³⁰ Напомним также, что монеты в виде наконечников стрел кроме территорий Нижнего Побужья находят во Фракии — в районе Бургасского залива (вкладах, слоях поселений и погребениях)³¹, в ранних слоях Одессоса³², в низовьях Дуная (вкладах и на поселениях)³³ и, наконец, в районе Нижнего Поднестровья (в ранних слоях Никония)³⁴. К настоящему времени сложилось несколько точек зрения на происхождение и принадлежность этой формы товаро-денег: а) монеты-стрелки — примитивная форма денег фракийских племен³⁵, б) появление монет-стрелок первично связано с внутренним развитием скифов Северного Причерноморья³⁶, в) монеты-стрелки — начальный тип денег греческих колоний, результат деятельности монетного двора Березанского поселения или Ольвии³⁷.

Не останавливаясь здесь на всех про и contra того или иного мнения (это могло бы стать темой большой специальной работы), нельзя не высказать сомнения в том, что эти деньги связаны со скифами. В самом деле, кажется абсолютно неоправданным приписывать монеты-стрелки скифским племенам ко времени их выхода на историческую арену. Скифы, которые даже в период максимального расширения своих культурных и экономических контактов с наиболее развитым в социально-экономическом отношении греческим обществом — в V—III вв. до н. э. — так и не дошли до уровня товарно-денежных отношений, вряд ли достигли в столь ранний период идеи товаро-денег, а тем более претворили эту идею в жизнь. Во всяком случае знаменательно, что даже такой сторонник скифской концепции, как Б. Н. Граков, вынужден был переносить место реализации монет-стрелок уже на фракийскую почву³⁸. Единственный исследователь, допускающий возможность приобщения отдельных скифских земледельческих племен, именно каллипидов Нижнего Побужья, к товарно-денежному обращению в IV—III вв., Ф. М. Штителъман, основывалась в своем выводе на

²⁹ В. Скуднова, Монеты-стрелки из Ольвии, СГЭ, X, 1956, стр. 38 сл.

³⁰ См., например, В. В. Лапин, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Киев, 1966, стр. 142—146.

³¹ И. Панделеев, Нови археологически находки в Бургаско, ИБАИ, V, 1928—1929, стр. 328; Т. Герасимов, Съкровище отъ бронзови стрели-монети, ИБАИ, XII, 2, 1938, стр. 424—427, рис. 210, 211; он же, Коллективни находки на ИБАИ, XV, 1946, стр. 240—241; он же, Домонетни форми пред последните години, ИБАИ, XV, 1946, стр. 240—241; он же, Домонетни форми на пари у тракийското племе асти, «Археология», № 1—2, София, 1959, стр. 86.

³² Тончева, ук. соч., стр. 178, рис. 23.

³³ G. Severianu, Sur les monnaies primitives des Scythes (lingots-monnaies in forme de pointes de flèche), BSNR, 1926, № 57—58, стр. 5; Ch. Stefan, Săpturile arheologice Histria, SCIV, V, 1954, № 1—2, стр. 105, рис. 26, 3, 4; R. Vulpe, Săpturile de la Tarivedi (1954), SCIV, VI, 1955, № 3—4, стр. 546, рис. 18, 2—4; F. Preda, Virfuri de săgeți cu valoare monetară descoperite pe litoralul de nord-vest al Mării Negre, Analele Universității C. I. Parhon, IX, № 16, 1961, стр. 11—12, рис. 2; D. Pirpidi, D. Vergiciu, Din istoria Dobrogei, I, București, 1965, стр. 109.

³⁴ А. Г. Загинайло, Монетные находки на Роксоланском городище (1957—1963 гг.), МАСП, 5, Одесса, 1966, стр. 101.

³⁵ См., например, Герасимов, Домонетни форми на пари..., стр. 86—87; Т. В. Блаватская, Западнопонтские города в VII—I веках до нашей эры, М., 1952, стр. 40; Скуднова, ук. соч., стр. 39; П. О. Карышковский, Монетное дело и денежное обращение Ольвии (VI в. до н. э.—IV в. н. э.), Автореф. докт. дисс., Л., 1969, стр. 20.

³⁶ Sevegeanu, ук. соч.; Pirpidi, Vergiciu, ук. соч., стр. 109; Б. Н. Граков, Легенда о скифском царе Арианте, «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 112; Т. Д. Златковская, Возникновение государства у фракийцев, М., 1971, стр. 66—67; А. Г. Загинайло, Денежное обращение в Западном и Северо-Западном Причерноморье в VI—IV вв. до н. э. Автореф. канд. дисс., М., 1970, стр. 7.

³⁷ В. В. Лапин, Экономическая характеристика Березанского поселения, «Античный город», М., 1963, стр. 39; он же, Греческая колонизация Северного Причерноморья, стр. 145—146.

³⁸ Граков, ук. соч., стр. 108, 112—113.

относительно большом количестве находок ольвийских монет в ряде поселений Нижнего Побужья³⁹. Однако это наблюдение вряд ли может подтверждать такой вывод, потому что, во-первых, в данном случае речь все-таки идет о чисто эллинских — ольвийских монетах, а во-вторых, в ряде случаев можно и нужно допускать, что в этом районе среди жителей поселений преобладали эллины. Не случайно именно те памятники, где обнаружено наибольшее число монет (поселения у хут. Петухово, у Закисовой балки, у с. Чертоватого, у маяка Дедова Хата), некоторые исследователи совершенно справедливо связывают главным образом с эллинами⁴⁰.

В то же время наличие фракийцев в составе населения Березани, Ольвии и ряда других пунктов их окружи в период обращения здесь монет-стрелок снимает серьезные препятствия на пути признания фракийской принадлежности «стрелок». Оказывается, что районы, где находят эти монеты, могут быть объединены в этнокультурном и экономическом отношении не только на основании общности происхождения самих греческих колонистов и существенной близости основных элементов эллинской материальной культуры, но и в силу наличия генетически однородной гето-фракийской прослойки в составе жителей античных городов и поселений этого времени, прослойки, находившейся в тесном хозяйственном контакте с греками.

Что касается точки зрения, связывающей происхождение монет-стрелок только с эллинами, то, не сбрасывая со счетов таких очевидных свидетельств, говорящих в ее пользу, как березанскую бронзовую гирьку с рельефным изображением монеты-стрелки⁴¹, а также известное граффито на ольвийском чернолаковом скифосе рубежа VI—V вв.⁴², нельзя не заметить и некоторую ее внутреннюю противоречивость: это, во-первых, уже не раз отмеченная не греческая, но варварская форма самих «стрелок»⁴³, во-вторых, необходимость допустить сосуществование на протяжении нескольких десятилетий параллельных эмиссий двух различных типов разменных монет — ольвийских «дельфинчиков» и «стрелок», призванных обслуживать один внутренний рынок, и, наконец, в-третьих, несовпадение ареала «дельфинчиков» и монет-стрелок. Последнее обстоятельство тем более примечательно, что показывает невозможность связать выпуск «стрелок» только с чисто греческим рынком одного или даже двух эллинских центров Нижнего Побужья. Впрочем, в настоящее время наиболее вероятным следует признать компромиссное решение вопроса, при котором идея товар-денег в виде литых наконечников стрел, зародившись в гето-фракийском племенном мире — в контактной зоне с эллинскими городами-колониями, была использована в дальнейшем и греками.

Последнее, что хотелось бы отметить в связи с фракийскими элементами в культуре населения Нижнего Побужья второй половины VII—VI вв., — это находка, правда единичная, дуговидной двуузелковой фибулы с фигурно вырезанным приемником. Фибула найдена в 1962 г. на Березанском поселении в слое второй половины VI в. до н. э.⁴⁴ Поиски аналогий этой фибулы не составляют труда: березанский экземпляр тождествен хорошо известному и широко распространенному во Фракии в конце VII—VI вв. типу «С» — фибул с гладкой дугой⁴⁵. Существенно заметить, что бере-

³⁹ Ф. М. Ш т и т е л ь м а н, Поселения скифского времени на побережье Бугского лимана, КСИА АН УССР, вып. 2, 1952, стр. 47; о н а ж е, Городища, поселения и могильники Бугского лимана VII—II вв. до н. э., КСИА АН УССР, вып. 3, Киев, 1954, стр. 104; о н а ж е, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, МИА, № 50, 1956, стр. 269.

⁴⁰ См., например, Я. В. Д о м а н с к и й, Из истории населения Нижнего Побужья в VII—IV вв. до н. э., «Археологический сборник Гос. Эрмитажа», вып. 2, Л., 1961, стр. 31—32.

⁴¹ Л а п и н, ук. соч., стр. 145; Б. Н. Г р а к о в, Еще раз о монетах-стрелках, ВДИ, 1971, № 3, стр. 125 сл.

⁴² Г р а к о в, Легенда..., стр. 115, рис. 4; о н ж е, Еще раз о монетах-стрелках, стр. 126.

⁴³ См., например, З л а т к о в с к а я, ук. соч., стр. 66.

⁴⁴ Хранится в Киевском историческом музее, инв. № Б 62-584.

⁴⁵ Т. Д. З л а т к о в с к а я, Д. Б. Ш е л о в, Фибулы Фракии VII—V вв. до н. э., СА, 1971, № 4, стр. 60, рис. 5, 3, стр. 61—63.

занская фибула является первой находкой такого рода изделий за пределами Фракии. Интересно также и то обстоятельство, что находки этих фибул в самой Фракии топографически не связаны с эллинскими городами левого берега Понта (там же, стр. 61).

Таким образом, имеется основание не ставить появление фракийских элементов на территории Нижнего Побужья в полную зависимость от греческой этнокультурной и экономической экспансии в этом районе. В пользу некоторой самостоятельности, независимости от судеб эллинского мира процесса, вызывающего переселение какого-то, впрочем, весьма небольшого числа фракийцев на восток к Ольвии и Березани, говорит и тот факт, что вместе с полным исчезновением гето-фракийских элементов в материальной культуре этого района, произошедшим на рубеже VI—V вв., отнюдь не прерывается связь городов Западного Причерноморья, особенно Истрии, с Ольвией. К сказанному следует также добавить, что сама возможность внедрения фракийцев на территорию Нижнего Побужья в столь ранний период может быть объяснена ослаблением или даже уходом коренного местного населения после столкновений с воинственными племенами кочевников-скифов, осваивавших во второй половине VIII—VII в. до н. э. огромные просторы степного Северного Причерноморья.

С другой стороны, было бы, конечно, неправильно считать, что появление в Нижнем Побужье выходцев из гето-фракийского мира никак не связано с хозяйственно-экономической деятельностью греческих колонистов. У нас нет пока оснований предполагать присутствие здесь фракийцев ранее возникновения первого постоянного эллинского поселения на о. Березань. Можно думать, что одной из причин, вызвавших переселение, могло быть стремление варваров к установлению торговых контактов с колонистами.

Что же касается исчезновения фракийских элементов в культуре населения района, то нельзя не заметить синхронности этого события с усилением интереса, проявляемого скифами-номадами к землям южнее Дуная после скифского похода Дария I. К рубежу VI—V вв. следует относить и начало конфронтации скифов с фракийскими племенами. Достаточно вспомнить в этой связи военный поход скифов до Херсонеса фракийского, направленный против персов, но, конечно, затронувший главным образом фракийцев (Herod., VI, 40). Враждебные отношения между скифами и фракийцами устанавливаются надолго⁴⁶. Этот фактор, действовавший в течение V и большей части IV в. до н. э., сыграл, по-видимому, роль непреодолимого препятствия, закрывшего на длительное время традиционные пути проникновения фракийцев на восток, что имело следствием быструю ассимиляцию их родичей в эллино-скифской этнической среде.

Второй этап в развитии комплекса лепной керамики Ольвии, Березани и поселений Нижнего Побужья охватывает весь V и большую часть IV в. до н. э. В течение этого времени в комплексе безраздельно господствуют, как это уже не раз отмечалось исследователями, скифские формы посуды типа Каменского городища на Днепре⁴⁷. Появившись где-то еще в середине VI в. и постепенно усиливаясь, они резко, за каких-нибудь 50 лет, начиная с четвертой четверти VI и по первую четверть V в., совершенно подавляют фракийские элементы. В комплексе происходит полный переворот как в технологическом, так и в типологическом отношении.

Во второй половине IV в. до н. э. типологическая монолитность комплекса лепной керамики Ольвии и Березани оказывается нарушенной. Практически одновременно в городе и на Березанском поселении появляются новые типы керамики. К их числу прежде всего следует отнести сосуды баночной формы с ручками-упорами (рис. 5, 4, 6). Сосуды эти морфологически близки банкам Ольвии и Березани архаического периода. Можно отметить и некоторые существенные отличия: увеличиваются размеры банок, появля-

⁴⁶ См., например, V. Iliescu, Contribuții la problema raporturilor scito-traco în sec. IV î. e. n., «Pontica», 2, 1969, стр. 189 сл.

⁴⁷ Капошина, О скифских элементах в культуре Ольвии, стр. 164; Штигельман, Поселения античного периода на побережье Бугского лимана, стр. 263; Яценко, ук. соч., стр. 28; Б. Н. Гракoв, Каменское городище на Днепре, МИА, № 36, 1957, стр. 72, 172 сл.

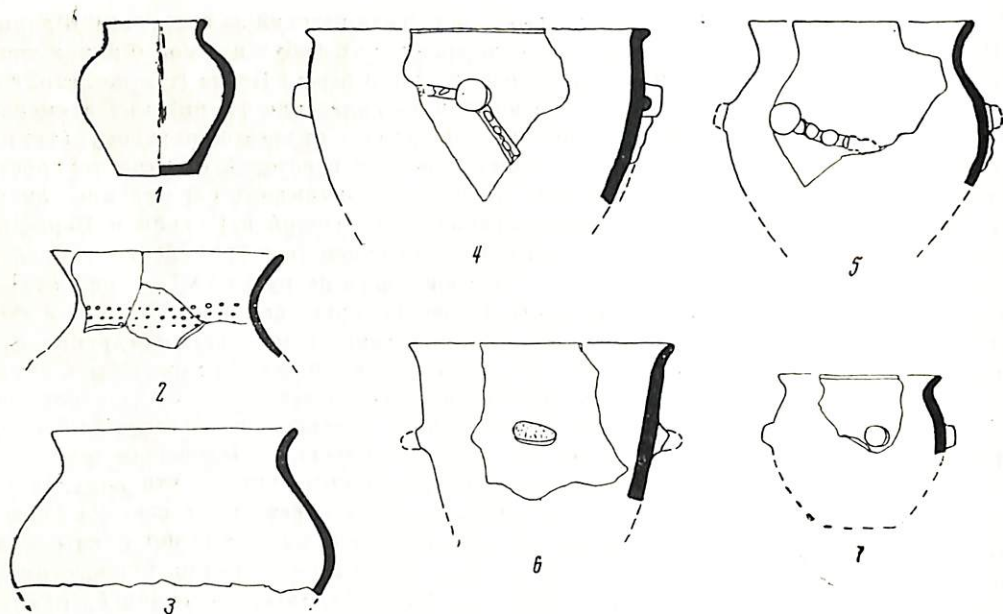


Рис. 5. Лепная кухонная керамика Ольвии и Березани второй половины IV—III в. до н. э.

ется ранее неизвестный орнамент в виде гирлянд налпных валиков. К новым типам керамики следует также причислить и тип горшка с выделенным горлом и округлыми плечами (рис. 5, 5, 7). От местных горшков скифского типа (рис. 5, 1—3) их отличает несколько более тщательная отделка поверхности, но главным образом наличие ручек-упоров и орнаментации в виде налпных валиков. Как долго бытует керамика вышеописанных типов, не вполне ясно. По-видимому, она исчезает из обихода не позднее середины — второй половины III в. до н. э. В количественном отношении банки и горшки с ручками-упорами составляют в комплексе не более 5—7%. Заметим также, что они практически неизвестны на многочисленных сельскохозяйственных поселениях Нижнего Побужья IV—III вв. Сопоставление баночных сосудов и горшков с ручками-упорами этого типа с синхронной керамикой степного Поднестровья⁴⁸, лесостепной Молдавии⁴⁹, а также ряда районов Румынии и Болгарии⁵⁰ убеждает в том, что мы имеем здесь дело с обычной гето-фракийской посудой IV—III вв., связь которой с керамикой VII—VI вв. Карпато-Дунайского бассейна очевидна. Необходимо подчеркнуть, что аналогичная керамика выделена и в материалах эллинистического времени городов левого берега Понта, например Каллатии⁵¹, Том⁵² и Истрии⁵³.

⁴⁸ А. И. Мелюкова, Исследование гетских памятников в степном Поднестровье, КСИА, вып. 94, 1963, стр. 67, рис. 18, 2, 6, 8, 9, стр. 71, рис. 20, 6, 7, 14; она же, К вопросу о границе между скифами и гетами, сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье», М., 1969, стр. 75, рис. 3, 9, 10; А. Г. Сальников, Итоги полевых исследований у с. Пивденное (1960—1962 гг.), МАСП, 5, Одесса, 1966, стр. 199—202, стр. 214, рис. 16, 4, 6, 7.

⁴⁹ А. И. Мелюкова, Результаты раскопок на двух поселениях скифского времени в Молдавии, стр. 66, рис. 31, 1—7.

⁵⁰ См., например, Е. Бујор, Săpăturile de salvare de la Murighiol, SCIV, VI, № 3—4, 1955, табл. II, 2, 7, 8, 11, 12; G. Simion, Gh. Cantacuzino, Cercetările arheologice de la Telița, MCA, VIII, 1962, стр. 376, рис. 3, 6—9, 17; B. Mitrea I. Preda, N. Anghelescu, Șantierul Satu Nou-Necropola geto-dacă, MCA, VIII, 1962, стр. 370, рис. 1, 2, 3; Ц. Дремсизова, Могилият некропол при с. Браничево (Коларовградско), ИБАИ, XXV, 1962, стр. 169, рис. 7, 3.

⁵¹ C. Scordian, Prezența și continuitatea getica în Tomis și Callatis, SCIV, 21, № 1, 1970, стр. 87, рис. 9, 1, 3, 4.

⁵² Там же, стр. 71, рис. 1, 7; стр. 74, рис. 3, 2.

⁵³ Соја, ук. соч., стр. 104, рис. 2, 9—11, 20, 21; стр. 107, рис. 3, 23, 28.

Следует ли видеть в появлении этих форм в комплексе Ольвии и Березани свидетельство нового проникновения сюда выходцев из фракийского племенного мира, пусть даже весьма незначительного их количества? Вполне вероятно. В пользу такого вывода говорит прежде всего сам облик керамики. Анализируя технологию ее изготовления, формы и элементы декора, нетрудно прийти к убеждению, что в данном случае речь должна идти не об отдельных элементах, заимствованных в результате культурных контактов, а о самих типах гето-фракийской посуды IV—III вв. Можно предположить, что новое появление фракийцев в составе населения Ольвии и Березани было обусловлено в конечном счете событиями, выходившими по своему значению за пределы жизни одного района Северного Причерноморья. Вероятнее всего предполагать инфильтрацию отдельных представителей фракийских племен, вызванную новым усилением и экспансией на восток северной ветви гето-фракийцев, следовавшей вслед за трагическим завершением борьбы скифского династа Атея с Филиппом Македонским. Уже Александр Великий во время своего похода на трибаллов в 335 г. застал на левом берегу Дуная большие укрепленные поселения гетов⁵⁴. В начале III в. диадох Лисимах вел упорную и далеко не всегда удачную борьбу с каким-то, вероятно достаточно мощным, объединением гетских племен во главе с Дромихетом, центр которой приходился на степные районы Пруто-Днестровского междуречья⁵⁵. Впрочем, все известные детали этой борьбы подробно изучены. Гораздо существеннее в данном случае отметить то обстоятельство, что граница продвижения гетов на востоке, хорошо устанавливаемая археологическим методом, проходила в это время по Днестру, лишь в отдельных случаях несколько заступая на его левый берег⁵⁶. В более восточных степных районах гето-фракийской лепной керамики уже не встречается⁵⁷, хотя само влияние фракийской культуры этого времени на скифскую очевидно⁵⁸.

Полное отсутствие лепной фракийской керамики IV—III вв. в районах восточнее Днестра и, что особенно важно, на поселениях Нижнего Побужья заставляет учитывать возможность и другого, более сложного пути проникновения фракийцев в Ольвию и на Березань. В этом смысле принципиальное значение имеет, возможно, находка в Ольвии медной монеты (кстати, единственной в Северном Причерноморье) современника Александра Великого и Лисимаха одрисского династа Севта III. Монета опубликована П. О. Карышковским⁵⁹. Рассмотрев весь комплекс причин экономического и военно-политического характера, могущих как-то объяснить появление этой монеты в Ольвии, автор публикации высказал осторожное предположение о существовании политических контактов между ольвиополитами и Севтом⁶⁰. Маловероятно, конечно, прямая причинная связь, обусловившая проникновение в Ольвию двух совершенно различных категорий материальной культуры фракийцев, однако нельзя не отметить совпадение по времени появления этой монеты и фракийской керамики на территории Нижнего Побужья.

Последнее, что следует упомянуть в связи с фракийскими элементами в составе населения Ольвии этого периода, это отмеченное Т. Н. Книпович присутствие в ономастике города имени фракийского происхождения: *Σπάρτοκος*⁶¹.

⁵⁴ Strabo, VII, III, 8=SC, I, стр. 114.

⁵⁵ Strabo, VII, III, 8, 14=SC, I, стр. 114, 118—119.

⁵⁶ Мелюкова, К вопросу о границе между скифами и гетами, стр. 76, 78—80.

⁵⁷ Ср. Мелюкова, Исследование гетских памятников в степном Поднестровье, стр. 72.

⁵⁸ См., например, А. И. Мелюкова, К вопросу о взаимосвязи скифского и фракийского искусства «звериного» стиля, «Тезисы докладов III Всесоюз. конф. по вопросам скифо-сарматской археологии», М., 1962, стр. 37.

⁵⁹ Карышковский, Монеты западнопонтийских династов, найденные в северном Причерноморье, СА, 1962, № 4, стр. 49 сл.

⁶⁰ Там же, стр. 55.

⁶¹ IOSPE, I², № 214; Т. Н. Книпович, Население Ольвии в VI—I вв. до н. э. по данным эпиграфических источников, МИА, № 50, 1956, стр. 125—126; L. Zgusta, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955, стр. 287, § 576.

Четвертый этап развития лепной керамики Нижнего Побужья охватывает конец III — первую половину I в. до н. э. В это время грубые кухонные горшки Ольвии и некоторых поселений ее округи начинают иногда украшаться по тулову шишечками и разного рода налепами, что рассматривается как свидетельство проникновения на эту территорию гето-дакийских культурных элементов⁶². Заметим, однако, что орнаментация подобного типа очень редка. Достаточно сказать, что в Ольвии, в твердо датированных слоях этого этапа, встречены буквально единичные обломки сосудов с шишечками.

Новое появление гето-дакийских элементов на территории Нижнего Побужья невозможно, по-видимому, рассматривать изолированно, в отрыве от аналогичных явлений, наблюдаемых в керамических комплексах этого же времени на значительно, более широких площадях степного Северного Причерноморья к востоку от Днестра — вплоть до городищ Нижнего Поднепровья. Большинство исследователей, занимавшихся изучением лепной посуды указанных районов, например, Н. Н. Погребова, М. И. Вязьмитина, П. Н. Шульца, склонны связывать их проникновение с этническим и даже довольно значительным внедрением гето-дакийцев в степное междуречье Днестра и Днепра уже со II в. до н. э.⁶³ Полагаю, что такой вывод в отношении территорий Нижнего Побужья маловероятен.

Ранее уже отмечался незначительный удельный вес гето-дакийских элементов в керамическом комплексе Нижнего Побужья III—I вв. до н. э. Анализ технологии изготовления и форм сосудов, украшенных шишечками и налепами, позволяет, кроме того, отметить существенные отличия такого рода керамики от синхронной ей гето-дакийской посуды степной Молдавии и Карпато-Дунайского бассейна в целом. Это и иная отделка поверхности, и другие пропорции горшков. Обращает на себя внимание также и полное отсутствие в комплексе этого времени традиционной и обязательной для гето-дакийских памятников формы банки с прямым или слегка загнутым внутрь краем⁶⁴. Упомянутые обстоятельства не позволяют видеть в присутствии отдельных гето-дакийских элементов в керамическом комплексе Нижнего Побужья свидетельство этнического проникновения гето-дакийцев. Скорее всего появление этих элементов следует рассматривать как результат обычной культурной инфильтрации, заимствования.

Такой вывод не противоречит и другим категориям источников. Исключительное значение для понимания этнической ситуации в Нижнем Побужье начала данного этапа имеет ольвийский декрет в честь Протогена⁶⁵. Не имея возможности специально останавливаться на анализе этого документа, отметим лишь, что в относительно богатой номенклатуре варварских племен, упоминаемых декретом, совершенно отсутствуют геты. Ни один из многочисленных исследователей, рассматривавших псефизму, не рискнул отнести какое-либо из них к гето-дакийцам. Отсутствуют упоминания о гетах и в более поздних эпиграфических документах этого периода⁶⁶, и это, разуме-

⁶² См., например, М. С. Синицын, Петухівське городище, ПОДУ, т. 149, серія історичних наук, вып. 7. «Археологічний збірник», ч. 1, Одеса, 1959, стр. 30—31, табл. II, 8, 9.

⁶³ Н. Н. Погребова, Поздние скифские городища на Нижнем Днепре, МИА, № 64, 1958, стр. 246; М. И. Вязьмитин, Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днепра, сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье», М., 1969, стр. 120; П. Н. Шульц, Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму, «Проблемы скифской археологии», М., 1971, стр. 139.

⁶⁴ См., например, R. et E. Vulpe, Les fouilles de Róiana, «Dacia», III—IV, 1927—1932, стр. 289, рис. 41, 9, стр. 290, рис. 43, 6, 7, рис. 291, рис. 44, 1, 17; М. А. Романовская, Об этнической принадлежности населения, оставившего памятники типа Лукашевка, сб. «Древние фракийцы в Северном Причерноморье», М., 1969, стр. 88, рис. 4, 4, 5, 6; стр. 89.

⁶⁵ IOSPE, I², № 32.

⁶⁶ Едва ли оправдано отнесение Т. Д. Златковской ольвийского декрета в честь Никерата (IOSPE, I², № 34) к числу источников, свидетельствующих о постоянных нашествиях гетов на Ольвию уже в самом начале I в. до н. э., ведь события, изложенные

ется, не случайно. Хорошо известно, что конец III—II в. до н. э. являют картину значительного ослабления гето-дакийского мира в целом. Отдельные известные нам выступления гето-дакийцев носят в этот период ярко выраженный локальный характер и не идут ни в какое сравнение с тем мощным движением северной ветви гетов, которое засвидетельствовано для более раннего времени — второй половины IV — начала III в. Следует отметить также, что все эти движения происходят на значительном удалении от территории Нижнего Побужья — в коренных районах обитания фракийских племен. Таковы, например, военные действия гетского вождя Золта в Добрудже, довольно подробно описанные в декрете истрийцев в честь Агафокла⁶⁷. Местное значение имела, по-видимому, и неудачная в целом попытка фракийцев во главе с Оролом организовать в начале II в. до н. э. сопротивление бастарнам⁶⁸. Нет никакого сомнения в том, что в период с конца III до конца II в. до н. э. в Пруто-Днестровском междуречье заметна активизация племен кельтской, а затем и германской этнической принадлежности.

Положение резко меняется лишь в конце второй четверти I в. до н. э. с появлением Биребисты, возглавившего ряд больших и удачных походов гетов на соседей⁶⁹. Именно с деятельностью этого вождя связывают обычно усиление проникновения гето-дакийских элементов в местную культуру районов, расположенных к востоку от Днестра. Более того, допускается возможность оседания в степной зоне Северного Причерноморья части гетов Биребисты сразу же после удачного похода последнего на Ольвию⁷⁰. Нет сомнения, поход гетов на Ольвию расчистил дорогу для западных, в том числе и для гето-дакийских, влияний на культуру Нижнего Побужья и Поднепровья. Возможно даже, что эти районы номинально вошли на непродолжительное время в состав государства Биребисты. Однако в этом вряд ли можно видеть попытку освоения новых земель. Для такого понимания действий гетов нет решительно никаких оснований. Восточный поход Биребисты в отличие от войны с боями и таврисками, где речь шла об устранении главных врагов фракийцев и возврате ранее утраченных земель⁷¹, преследовал, несомненно, весьма ограниченные цели. Это был хорошо организованный стремительный набег, направленный главным образом на захват добычи и, вероятно, физическое уничтожение потенциальных противников в этой части Северо-Западного Причерноморья⁷². Сразу же после разрушения Ольвии, уничтожения остатков ее хоры, и, возможно, некоторых укрепленных поселений скифов в низовьях Днепра⁷³ воины Биребисты покинули территорию Нижнего Побужья. Искать каких-либо ярко выраженных гето-дакийских черт в местной материальной культуре I в. до н. э. и самих фракийцев в составе населения этого района было бы неоправданным — их нет. Последние появляются здесь лишь в I в. н. э., т. е. после возникновения новой Ольвии, что связано уже в значительной степени с военно-политической, экономической и культурной деятельностью Рима, охватившей огромные просторы Западного и Северного Причерноморья.

К. К. Марченко

в этом документе, относятся главным образом к Гилее, т. е. району, расположенному восточнее Ольвии; см. Т. Д. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты (I в. до н. э.), ВДИ, 1952, № 2, стр. 89.

⁶⁷ См. П. О. Карышковский, Истрия и ее соседи на рубеже III—II вв. до н. э., ВДИ, 1971, № 2, стр. 36 сл.

⁶⁸ Just., XXXII, 3, 46; см. также Brandis, RE, IVs, стб. 1956.

⁶⁹ Strabo, VII, III, 41=SC, I, стр. 116—117.

⁷⁰ Вязьмитина, ук. соч., стр. 124.

⁷¹ М. Макря, Биребиста и кельты на Среднем Дунае, «Dacia», II, 1958, стр. 147—150.

⁷² Ср. Златковская, Племенной союз гетов под руководством Биребисты, стр. 90.

⁷³ Вязьмитина, ук. соч., стр. 124.

THRACIANS ON THE LOWER COURSES OF THE BUG RIVER IN THE VII—I CENTURIES B. C.

by K. K. Marchenko

The author discusses those elements in the local material culture of this region in the VII—I centuries which can be interpreted as Geto-thracian in the broadest sense. Particular attention is paid to the hand-thrown pottery, in the evolution of which four phases are distinguished.

In the first phase (650—500 B. C.) a virtually complete sampling of known Thracian pottery forms is represented among the finds from Berezan Island, Olbia and some of the earliest settlements in neighbouring districts (fig. 1, 3—5, 7; fig. 2; fig. 3, 5—9; fig. 4), indicating the presence of a Geto-Thracian component in the population of the region. This component accounts for more than 30% of all ceramic finds relating to the first phase. The presence of a Thracian component in the population of the colonies along the lower courses of the Bug provides a solution to the problem of the origin of the so-called arrow-coins. The author shares the opinion of those who think these coins originated in the Geto-Thracian tribal world. At the turn of the VI—V centuries Geto-Thracian elements give way to Scythian.

A new penetration of Olbia and Berezan by the Thracians, coinciding with the strengthening of the northern branch of the Geto-Thracians in the period 350—250 B. C., is attested by Thracian-type pots among the ceramic finds of this period (fig. 5, 4—7). The Thracian component accounts at the most for 7% of all pottery finds; no Thracian pottery of this phase is found in the agricultural settlements of the Olbian *chora*.

The last phase (end of III to middle of I centuries B. C) is marked by an infiltration into the local culture of occasional, scattered Geto-Dacian elements. No noteworthy Thracian penetration of the lower Bug region is attested for this period.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОГРАММА ИСОКРАТА В РЕЧИ «ФИЛИПП»

С именем Исократ связан определенный этап в развитии ораторского искусства и политической мысли Греции IV в. до н. э. Речи оратора — ценный источник для характеристики политических, экономических, социальных явлений указанного времени. Особенный интерес представляет политическая программа Исократ, неоднократно привлекавшая внимание ученых¹.

¹ Н. А. Астафьев, Македонская гегемония и ее приверженцы. СПб., 1895; И. К. Бабст, Государственные мужи древней Греции в эпоху ее распада, М., 1851; В. Г. Борохович, Э. Д. Фролов, Публицистическая деятельность Исократ, ВДИ, 1969, № 2, стр. 200—220; Л. П. Маринович, Место наемников в общественно-политических взглядах Исократ, ВДИ, 1965, № 3, стр. 22—34; Е. А. Миллер, Исократ и II Афинский морской союз, «Уч. зап. ЛГУ», № 39, вып. 4, 1939, стр. 89—134; Э. Д. Фролов, Монархическая идея у Исократ, «Проблемы отечественной и всеобщей истории», Л., 1969, стр. 3—20; А. С. Шофман, Идеологическая подготовка восточных походов в греческой историографии, литературе и публицистике, «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 2, Казань, 1967, стр. 123—137; Fr. Blass, Die attische Beredsamkeit, II, Lpz, 1892; K. Bringmann, Studien zu den politischen Ideen des Isokrates, Göttingen, 1965; E. Buchner, Der Panegyrikos des Isokrates, «Historia», Ht. 2, Wiesbaden, 1958; P. Cloché, Isocrate et son temps, P., 1963; D. Gillis, The Structure of Arguments in Isocrates «De Pace», «Philologus», Ht. 3—4, Wiesbaden, 1970; D. Gillis, Isocrates Panegyricus: The Rhetorical Texture, «Wiener Studien», Bd. 5, Wien, 1971; W. Jaeger, Paideia: The Ideals of Greek Culture, III, N. Y., 1944; H. Kehl, Monarchie im politischen Denken des Isokrates, Bonn, 1962; J. Kessler, Isokrates und die panhellenische Idee, Paderborn, 1911; J. Mathieu, Les idées politiques d'Isocrate, P., 1925.